

Анна Грибоедова

20 февраля 2026

«Варгас Льоса был привлекателен для культурной дипломатии СССР»

Не так давно издательство «Литфакт» выпустило книгу «Пять дней в Москве. Визит Марио Варгаса Льосы в Советский Союз (1968)». Мы поговорили с одним из авторов книги, историком, доцентом кафедры испанского языка МГИМО Кристиной Буйновой о том, как проходил визит знаменитого перуанца в СССР, почему писатель связывал свое разочарование в социализме именно с той поездкой, каким образом в 1960-е гг. советская культурная дипломатия пыталась расширить круг зарубежных «агентов» влияния и что обязательно удалялось цензурой из издаваемых в переводе зарубежных произведений.

Все мы начиная с 24 февраля 2022 года оказались перед лицом наступающего варварства, насилия и лжи. В этой ситуации чрезвычайно важно сохранить хотя бы остатки культуры и поддержать ценности гуманизма — в том числе ради будущего России. Поэтому редакция «Горького» продолжит говорить о книгах, напоминая нашим читателям, что в мире остается место мысли и вымыслу.

— Кристина Романовна, перед тем как поговорить о книге и Варгасе Льосе, хотелось бы задать вам личный вопрос. По образованию вы историк, ваша кандидатская была посвящена русским путешественникам в Латинской Америке XIX — начала XX вв. Как так получилось, что вы решили перейти от истории к литературе?

— Невозможно ответить на этот вопрос, не вспомнив, что когда-то в нашей стране историю и филологию как научные треки принципиально ничего не разделяло. Наверное, в силу

исторического наследия нам кажется, что история — это изложение политики в ретроспективе. А история литературы — это только про становление и преемственность жанров, взаимовлияние писателей, важнейшие произведения. Кому же отвечать на вопросы о процессах, контексте, жизни автора — историку или филологу? Например, из каких внешних обстоятельств сложился успех книги? Почему роман пролежал неопубликованным двадцать лет? Как отличалась цензура одной и той же книги в разных странах? Мог ли писатель прожить на гонорар, и если нет, то на что же ему было жить и писать новые книги? И так далее... В таких случаях обычно говорят о «мультидисциплинарном подходе», но мне он все равно кажется очень формальным. Если бы совокупность знаний об интеллектуальном и творческом развитии человека у нас называлась каким-нибудь одним словом — *Humanities, Arts, Lettres* — «неформатным» исследователям не приходилось бы метаться между историческими и филологическими журналами, конференциями и диссертационными советами.

К. Р. Буйнова.
Фото из личного
архива

Возвращаясь к вашему вопросу. Путешественников по Латинской Америке я изучала прежде всего по травелогам. По сути, тогда меня интересовало то же, что интересует сегодня: почему человек поехал в какое-то необычное место, что он там искал, что нашел, какие сделал выводы, кто и как о них узнал и что из этого вышло? Латинская Америка с тем же успехом могла быть Африкой: меня гораздо больше интересовал объект в зеркале, чем само зеркало. Сегодня у меня другой фокус: приезжали ли в Советский Союз Марио Варгас Льюса или Грэм Грин, меня интересуют не только (а иногда и не столько) они, но и процессы внутри Советского Союза. Кто их пригласил, почему, какого результата ожидали, какой получили.

— *Расскажите, пожалуйста, как родилась идея создания книги о визите Варгаса Льюсы в СССР? Что лежало в основе вашего*

исследования?

— А это эпизод из истории научных контактов! Началось с того, что я нашла в архиве отчет переводчика о визите Марио Варгаса Льосы в СССР в 1968 г. До меня этот документ никто не видел (в этом легко убедиться: в архивах вместе с делом выдают лист, в котором расписывается каждый, кому выдавалось дело). Я написала об этом статью, а пока она проходила рецензирование, выложила тезисы в одной из академических соцсетей. Через некоторое время, заметив эту скромную публикацию, мне написал Карлос Агирре, исследователь интеллектуальной и книжной культуры, в том числе истории латиноамериканского бума. Он тоже нашел интересные документы по Варгасу Льосе в архиве Принстонского университета (у них хранится большое собрание документов, связанных с бумом) и предложил друг с другом поделиться. Мы обменялись документами и поняли, что это джек-пот: найденные Карлосом письма обрамляли ту самую поездку Варгаса Льосы в Москву. Мы с азартом окунулись в новые архивные поиски, нашли еще письма, потом собрали информацию по советским журналам и ранним публикациям Льосы. Найденные нами источники противоречили тому, что было известно об отношении писателя с социализмом с его собственных слов. Нам это показалось очень интересным, и мы поняли, что надо писать статью. Очень быстро выяснилось, что в статью мы не укладываемся, тем более что хотелось опубликовать и источники. Так мы перешли к формату книги.

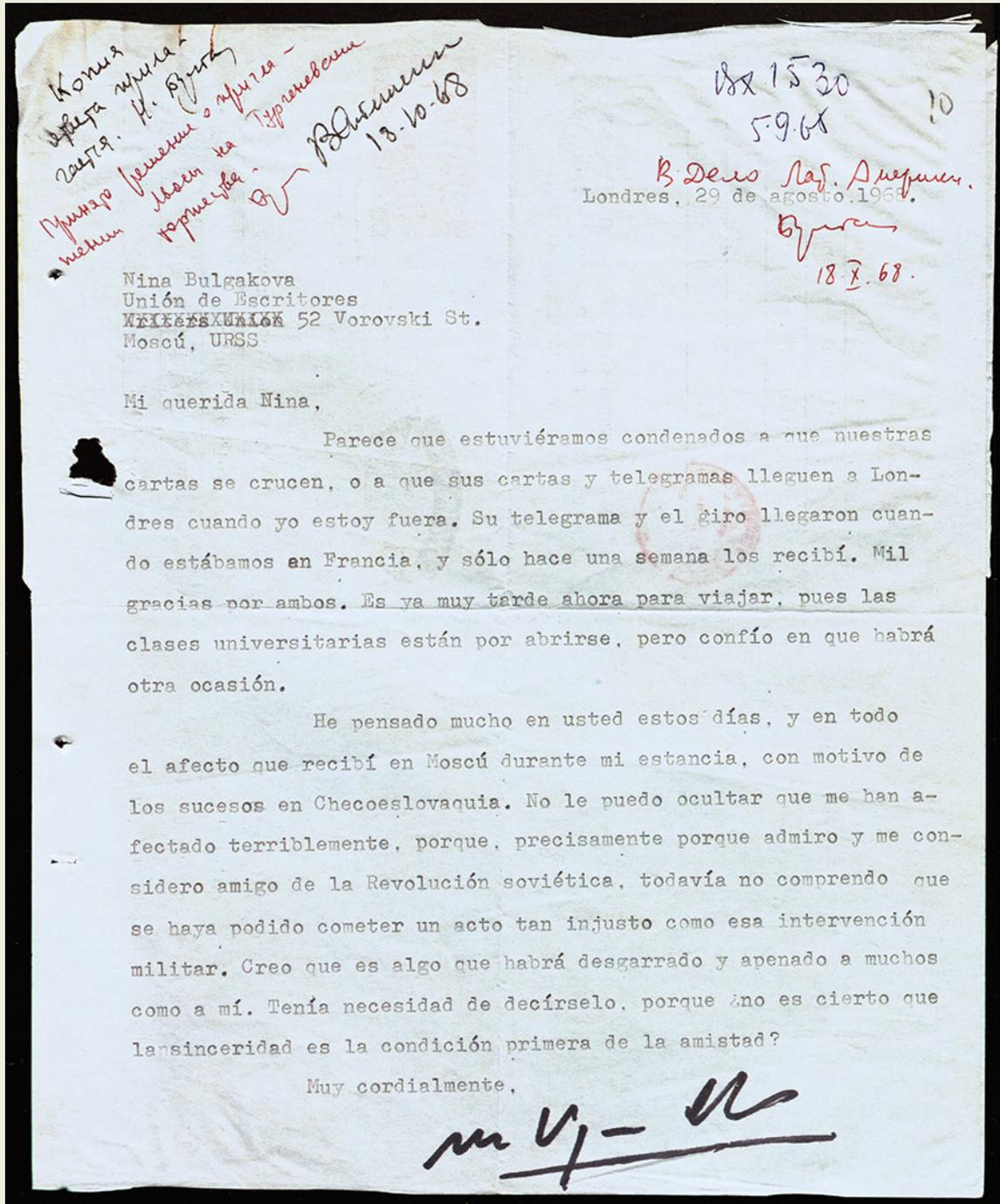

— В поздних интервью Марио Варгас Льоса не раз рассказывал, что его разочарование в социализме, так привлекавшем его в молодости, было обусловлено визитом в Советский Союз в 1968 году. Правда ли, что эта краткосрочная пятидневная поездка действительно стала для писателя началом конца его приверженности социализму?

— Да-да, это противоречие я и имею в виду. Если судить не по поздним отзывам писателя, а по источникам — его собственной переписке с Союзом писателей СССР, материалам о его пребывании в Москве, его путевым заметкам, опубликованным тем же летом, — получается, что майская поездка 1968 года никак не могла быть причиной разочарования в социализме. Напротив, если что-то его серьезно задело, то это как раз недостаточное развитие отдельных черт социализма. Например, ему (как и многим писателям-социалистам, посетившим СССР в те же годы) претил советский национализм. В теории он как таковой противоречит социализму. В сознании советских людей, заметил Варгас Льоса, идея о социализме путается с идеей о Советском Союзе, а гордость за принадлежность к последнему затмевает чувство интернационализма и всеобщего братства. Его поразило, что слово «патриот» считается высшей похвалой, а претензии к странам соцлагеря сводятся к тому, что они не выражают достаточной благодарности СССР. «Политические последствия подобного убеждения могут быть трагическими», — написал он летом 1968 г. и попал в точку. Ввод войск в Чехословакию в августе действительно заставил отвернуться от Советского Союза многих левых интеллигентов по всему миру. Называя это разочарованием в социализме, мы совершаем ту же логическую ошибку, отождествляя страну и социальный строй.

Другой вопрос, что идеализм молодого Варгаса Льосы испытывал не столько Советский Союз, сколько Куба. Именно Куба была флагманом социализма для молодого поколения левых интеллектуалов. Для латиноамериканцев кубинская революция имела огромное значение, потому что воплощала в себе социальную альтернативу для их родных стран. Однако с годами ради сохранения самой себя революция стала обращать вспять свои достижения и пожирать собственных детей. Мы постарались показать с помощью доступных нам источников, что больше, чем преследование писателей в СССР, Варгаса Льосу беспокоило преследование диссидентов на Острове Свободы; больше, чем советские танки в Праге, его шокировала поддержка этого

вторжения со стороны Фиделя Кастро. После того как на его глазах социалистические идеи разбились о реальность политических интересов, писатель стал от них отходить. Разумеется, это произошло не в один день, и уж точно не в результате пятидневного посещения Москвы, — не настолько он был поверхностным человеком.

Письмо Марио Варгаса Льосы, отправленное после ввода советских войск в Чехословакию Нине Булгаковой, консультанту по латиноамериканской литературе Иностранной комиссии Союза писателей СССР. Российский государственный архив литературы и искусства, фонд 631, опись 27,

— А были ли какие-то открытия в ходе вашей работы над этой темой, которые удивили больше всего?

— Открытия были, но скорее технического характера. Например, часть писем Варгаса Льосы я нашла совершенно случайно, уже когда была опубликована книга в Перу и я занялась другой темой. Думаю, это ощущение знакомо многим исследователям: когда глубоко погружаешься в тему, источники как будто находят тебя сами.

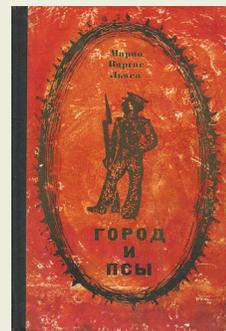
Я еще не устала удивляться тому, как много деталей можно восстановить применительно к истории шестидесятилетней давности — например, кто кому передал какую информацию, кто привез рукопись и так далее. Так, мы с Карлосом знали, что после 1968 г. Варгас Льоса вновь где-то виделся с Ниной Булгаковой (консультантом Союза писателей по латиноамериканской литературе), но где? Мы дотошно сопоставили все выезды Булгаковой с перемещениями писателя. Задача нетривиальная, потому что последний был неуловим даже для друзей. Перебрав все варианты, предположили, что это была случайная встреча в одном из южноамериканских аэропортов на пересадке. С нынешним количеством рейсов это кажется невероятным, но тогда их было не так много. Каков же был наш восторг, когда позже нашлось письмо Булгаковой, которая упомянула эту знаменательную встречу в аэропорту Каракаса! Вот так мы были вознаграждены за свои поиски.

Кроме того, для меня лично это был первый опыт такого тесного международного сотрудничества, и было очень интересно видеть свою рукопись в правке соавтора. Это и вопросы языка, и стиля, и академической традиции, которая отличается от нашей.

— Марио Варгас Льоса приобрел известность в СССР благодаря опубликованному в 1965 году роману «Город и псы». Тем не менее

писателя нельзя было назвать совершенно лояльным СССР. Почему же, несмотря на это, Союз писателей решил пригласить молодого автора посетить страну?

— Дело в том, что в 1960-е гг. советская культурная дипломатия пыталась, скажем так, расширить свою целевую аудиторию, а для этого необходимо было расширить круг зарубежных «агентов» влияния. В годы позднего сталинизма «другом» Советского Союза мог стать только убежденный коммунист, который, не отклоняясь от генеральной линии, транслировал бы советские ценности тем, кто уже и так был готов их воспринять. В годы оттепели с капиталистическими странами было решено «мирно сосуществовать». Пропаганда исключительно через западных коммунистов стала, по меткой формулировке историка Элеонор Гилбурд, «проповедью для обращенных». Чтобы расширить круг сторонников, выгоднее было завоевать симпатию тех, кто за границей выглядел как независимый или сомневающийся интеллект, а не как любимец Кремля. Союз писателей охотно общался с любым иностранным писателем, обладавшим талантом и авторитетом, и которого при этом можно было представить как «прогрессивного». Варгас Льюса был восходящей звездой мировой литературы и в этом смысле очень привлекательным для советской культурной дипломатии. Да, он критиковал советскую культурную политику (достаточно посмотреть его эссе о Солженицыне, Даниэле и Синявском в нашей книге), но на Западе это был аргумент в пользу его независимости, а в Советском Союзе об этом не надо было знать никому, кроме специалистов. Собственно, в нашей книге вы найдете четыре его эссе, непосредственно касающихся СССР, которые никогда прежде не переводились на русский язык.

— Каким образом в то время были выстроены подобные процессы культурной дипломатии? Как именно Советский Союз в таких непростых условиях пытался укреплять и поддерживать

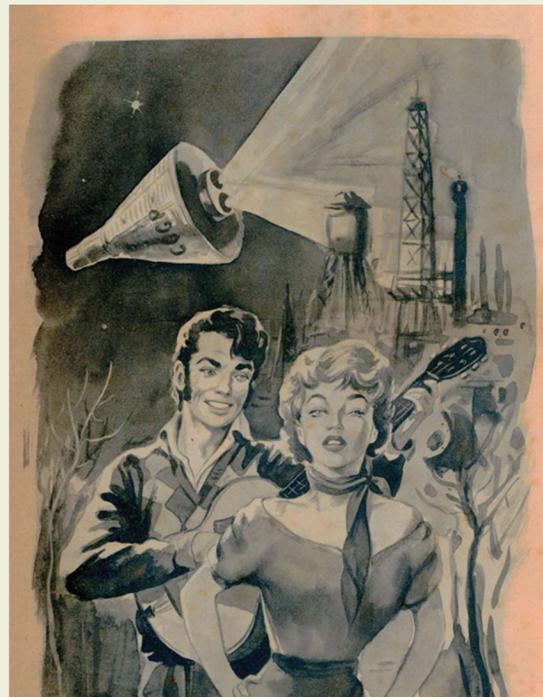
отношения с иностранными авторами? И кто отвечал за выбор приглашаемых лиц?

— Взаимодействием с иностранными писателями занимался «профильный» творческий союз — Союз писателей. При нем существовала Иностранная комиссия. Ее сотрудниками были два десятка специалистов по литературам разных стран и регионов мира. Они курировали все общение с зарубежными авторами, приглашали их в СССР, связывали их с советскими коллегами и издателями, по возможности (если это было «целесообразно») помогали получить гонорары. Работа их была действительно непростой, потому что уговаривать приходилось не только иностранцев, но и собственные власти. Все серьезные решения согласовывались с ЦК КПСС. Но выбирали авторов не в кабинетах на Старой площади, а на заседаниях специалистов. Иностранная комиссия собирала так называемый актив из переводчиков и издателей, обсуждала с ними наиболее ярких писателей того или иного региона, перспективы взаимодействия с ними. Обычно все начиналось с публикации их произведений в СССР. При этом разрешение автора обычно не просили и вообще не ставили его в известность: Советский Союз не подписывал международную конвенцию об авторских правах (до 1973 г.), и это формально освобождало его от ответственности за публикацию, купюры в текстах и выплату гонораров иностранным авторам. Дальше либо автору сообщали о том, что ему выпала честь быть опубликованным на русском языке, либо он сам узнавал об этом через третьих лиц и писал в Союз писателей с вопросами. Одним из самых частых был, разумеется, вопрос о выплате гонорара, раз сам факт выхода книги уже состоялся. Им вежливо отвечали, что гонорары иностранцам не предусмотрены, однако Союз писателей готов взять на себя расходы по подготовке визита писателя в СССР, а издательство в случае его приезда найдет возможность выплатить какую-то сумму в рублях — не потому что должно, а просто в качестве дружеского жеста. Автор приезжал (если приезжал), его радушно встречали, выделяли переводчика, устраивали насыщенную культурную программу,

встречи с коллегами и издателями, давали почувствовать себя читаемым, уважаемым и ценным (надо отметить, это чувство не так часто посещало западных писателей в капиталистическом мире). Нередко такие эпизоды приводили к продолжению сотрудничества в будущем. К примеру, Варгас Льюс после визита в мае 1968 г. намеревался вскоре приехать снова.

— Но что все же заставило Варгаса Льюсу приехать в 1968 году в СССР?

— Во-первых, любопытство. Как-никак СССР был моделью, на которую после революции 1959 г. стала ориентироваться дорогая писателю Куба. Во-вторых, вполне естественное писательское тщеславие: он знал, что тираж его книги на русском языке составил больше сотни тысяч экземпляров — немыслимая цифра для западного книгоиздания. И в-третьих, желание все-таки получить заслуженный гонорар. У писателя были жена и маленький ребенок, он жил в эмиграции, изо всех сил старался заработать на жизнь и продолжить писать. Часть гонорара ему в виде исключения (так поступали с наиболее интересными для Союза писателей авторами) прислали валютой в Лондон, другую часть обещали выдать в Москве.

Иллюстрации к путевым заметкам Марио Варгаса Льосы о поездке в Москву в 1968 году,
перуанский журнал *Caretas*

— Препровождение в Москве будущего нобелевского лауреата было достаточно коротким (в те годы иностранных писателей обычно приглашали на пару недель). Что успел он посетить и посмотреть за это время?

— Судя по отчету переводчицы, писателю едва давали передохнуть: один-два музея каждый день, театр почти каждый вечер, посещение недавно открывшейся Библиотеки иностранной литературы, несколько встреч и бесед с писателями и чиновниками от литературы. Такой плотный график был обычным делом, его составляли для всех гостей Союза писателей. Дни визита перегружали намеренно, поскольку так проще было контролировать передвижения иностранца, а значит, согласно бюрократической логике, и его впечатления. Но, конечно, реальность могла значительно отличаться от описанного в отчете. Мы подозреваем, что Варгас Льоса мог пропустить пару пунктов программы.

— Как и многие другие литературные произведения иностранных авторов, которые издавались в то время в СССР, русский перевод романа «Город и псы» прошел через цензуру. Расскажите, пожалуйста, насколько серьезными были купюры в советском издании?

— Варгас Льоса считал, что его произведение сократилось примерно на пятьдесят страниц, и был этим очень недоволен. На самом деле, по нашим подсчетам, купюр было страниц на двенадцать, хотя сути дела это, конечно, не меняет. В оценке цензурных изменений нам с Карлосом помогла Дарья Сеницына, подготовившая новый перевод «Города и псов» для АСТ. Благодаря отобранному ею фрагментам мы выяснили, что цензура носила в основном «эстетический» характер, то есть удалялось

или изменялось то, что шло вразрез с советской пуританской эстетикой. Учитывая, что в книге речь идет о нравах среди кадетов-подростков, которых в училище поощряли становиться «настоящими мужчинами» через жестокость и насилие, таких эпизодов там достаточно. Во многих случаях вместо удаления фрагмента использовались эвфемизмы, призванные смягчить обценные выражения. Если же сравнивать публикацию с оригинальным текстом, то эффект получился скорее комический.

В то же время заметно, что переводчики сделали все возможное, чтобы книга все-таки вышла с минимальными сокращениями, и в этом, помимо действительно качественного перевода, их большая заслуга. Автора такое объяснение, разумеется, не устраивало. Когда он спросил об искажениях в редакции издательства, ему ответили, что без них «молодым русским супругам было бы так стыдно после... прочтения, что они не смогли бы смотреть друг другу в глаза». Варгас Льюис потом годами рассказывал это как анекдот, но это вполне соответствовало логике советского книгоиздания.

— *Насколько нам известно, вы также являетесь профессиональным переводчиком с испанского языка. Какие еще, на ваш взгляд, произведения Варгаса Льюиса обязательно следует перевести на русский язык?*

— Я действительно переводчик, но устник — перевожу синхронно и последовательно. На художественный перевод я посягаю (по крайней мере, пока) только в тех случаях, когда это совпадает с моими исследовательскими целями. Поэтому назову книгу «Письма Бума» (*Las Cartas del Boom*). Это сборник переписки между четверкой латиноамериканского бума: Хулио Кортасаром, Карлосом Фуэнтесом, Марио Варгасом Льюисом и Габриэлем Гарсией Маркесом. Не знаю, существует ли переписка между участниками *The Beatles*, но «Письма Бума» можно себе представить как переписку Маккартни, Леннона, Харрисона и Старра — только от мира литературы.

© Горький Медиа, 2026

Все права защищены. Частичная перепечатка материалов сайта разрешена при наличии активной ссылки на оригинальную публикацию, полная — только с письменного разрешения редакции.